
Алла Плотникова
Стас Серов
В учительской
В АНГЛИЙСКО

В учительской-5. Сердце-сердечко

Жанр произведения: Проза
Произведение написал автор BookBox Алла Киселева
Ссылка на публикацию

Физрук ещё долго бы сверлил взглядом затылок математика, но понемногу учителя один за другим начали стягиваться на работу. И вскоре учительская напоминала не ночное помещение, где всего, мгновение назад, меж цветущих маков, прогуливалась полуобнажённая Дрёма, а скорее Среднеазиатскую чайную, где если и присутствуют маки, то точно не живые и не цветущие.

Приходить пораньше, чтобы успеть попить чай и что важнее — обсудить случившиеся за прошедшие сутки события — в какой-то момент для учителей стало традицией. В своих сумках они вместе с домашними работами учеников приносили кто пряники, кто сушки, кто пирожные, кто конфеты; Эмилия Романовна иногда потчевала коллег тортом из печенья и варёной сгущенки. Это был единственный десерт, который она умела готовить, научившись ему ещё в детстве. Физрук ничего с собой не приносил, как и математик, но зато он ухаживал за женщинами, доливал им чай, балагурил и вообще всегда был в ударе. Математик же чаще всего сидя за своим столом, спиной к остальным учителям, совмещая чаепитие с проверкой тетрадок, в утренних разговорах участия не принимал, а в тот день, так и вовсе был весь в домашних работах своих учеников и даже чай себе налить забыл.

Томик с романом Пушкина, не желая сдаваться, лежал здесь же на столе завуча, около корзинки с заварными эклерами. Но хотя Эмилия Романовна, всё ещё ощущая жаркое прикосновение у себя между лопаток, без конца улыбалась, было очевидно — Пушкин не выдерживал конкуренции с продолговатым, полным крема пирожным.

Учительская журчала задорно подобно весеннему ручейку, струящемуся между камушков, разговор лился не выбирая пути, змеясь как песчаная эфа, почти не касаясь земли, скользил по необъятному простору новостей, воспоминаний, надежд, мечтаний, сплетен и прочих бесчисленных тем, годящихся для ни к чему не обязывающей болтовни за чаем.

— Пашку убили,— неожиданно, даже не отрываясь от проверки тетрадок, нарушил утреннее учительское воркование Евгений Васильевич. Он сказал это совсем тихо, но его бархатистый голос, за годы практики, объяснять никогда не слушающим ученикам самые сложные темы приобрёл почти волшебное

свойство. Как ветер, прилетевший к нам хоть из самой Сахары нежно дотрагиваться до травинок, неизбежно колыхает их, так же и этот голос едва коснётся слуховых ворсинок, и они откликнутся на тёплое прикосновение.

Учителя притихли, не готовые к такой резкой смене темы разговора, как будто впали в оцепенение, и только Галина Николаевна продолжала поглощать заварные эклеры. Впрочем, её в утренних сходках учителей всегда интересовало не общение, а исключительно — снедь. Начнись хоть война, она вряд ли покинула бы учительскую, не отведав всех сладостей. Утреннее чаепитие было единственным отрезком рабочего дня, когда биологичка забывала даже про Евгению Семёновну и никак не пыталась отравить её существование.

— Какого ещё Пашку? — нарушив, наконец, повисшую паузу, возвысил голос Игорь Владимирович. Физрук недолюбливал математика, помимо того что он часом ранее сорвал возможность для очередного романа, так ещё, в отличие от остальной, мужской части коллектива, никогда не травил с ним анекдоты, не обсуждал женщин, автомобили, политику, не сплетничал о разном. Оттого физрук почти всегда, когда была возможность, разговаривал с учителем математики грубо, почти оскорбительно. Евгений Васильевич, не замечал этих недружелюбных проявлений, отчего физрук испытывал ещё большее раздражение.

— Даааа,— не дождавшись никакого ответа и даже взгляда, вздохнул Игорь Владимирович, взглянул на с аппетитом поедающую последний заварной эклер биологичку и потянулся к фарфоровому заварнику за очередной порцией ароматного чая.

— Пашку убили,— всё ещё склонившись над тетрадками, произнёс математик, — Одноклассника твоего. Или забыл уже, гондон штопаный, своего одноклассника.

Физрук от неожиданности вздрогнул, пролил чай. Было хотел оскорбить математика в ответ, но страх ли, совесть ли, неожиданно возникшее уважение ли, не давая сказать, сжали своими костистыми пальцами горло и он, заикаясь, сумел выдавить лишь: «Так. Сердце же. У него сердце же. Сердце остановилось».

Математик вскочил с кресла, резким движением смёл тетради со стола, и они, подобные Стратим-птицам, разлетелись по учительской. Физрук едва не выронил заварник.

— Убили гааадыы! — голос математика, словно гром под юным небом, прогрохотал под бетонным потолком старой школы: — Сколько ещё нужно убить, изувечить, сгубить!? Сколько!? — последнее слово он протянул сквозь

стиснутые зубы так, словно и впрямь торговался с дьяволом за товар, стоимость которого исчислялась в человеческих жизнях.

Только сейчас учителя заметили: математик был пьян. Левая щека его, влажная от слёз, дрожала, а серебряные ворсинки вчерашней щетины каким-то странным образом углубляли морщины, придавая его лицу испуганный, смиренный и в то же время воинственно-зловещий облик распятого Спасителя.

Этот облик был настолько страшный, что впечатлительные учительницы обомлели, даже Галина Николаевна перестала жевать и молча, стараясь не встречаться с дикими глазами математика, глядела ему куда-то в область кадыка. Только Игорь Владимирович попытался отсрочить страшный суд.

— Евгений Васильевич, — всё ещё немного заикаясь, словно отличник впервые не сделавший домашнюю работу, обратился он к математику: — Ну, вы ведь сами знаете, что сердце у Паши остановилось, — крышечка находящегося в его руках чайника, позвякивала.

— Убили, — выдохнул тяжело математик и опустился в своё кресло, — ещё одного убили, — стараясь отдышаться, повторял он тихо, а затем, уронив голову на сложенные на столе руки, заплакал.